

OPERIS LEX У ГОРАЦИЯ

Выражение *operis lex* (закон произведения) (А.р., 1:5) в научной литературе не имеет точного и конкретного истолкования и часто получает прямо противоположные оценки. Так, в комментарии А.Кислинга и Р.Хайнце оно названо оригинальным высказыванием, а Ч.О.Бринк, автор монографии об "Искусстве поэзии", характеризует *operis lex* как литературный штамп.¹ Оба суждения истинны: подобное словосочетание употреблено Горацием, действительно, впервые, однако слово *lex* в применении к словесному искусству неоднократно встречалось и ранее, а потому сразу следует отказаться от интерпретации *operis lex* как метафоры. Впрочем, контекст ясно показывает, что образная первооснова этого выражения замечена поэтом:

*publica materies privati iuris erit, si
non circa vilem patulumque moraberis orbem
nec verbo verbum curabis reddere fidus
interpres nec desilies imitator in artum,
unde pedem proferre pudor vetet aut operis lex,
nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim:*

"Fortunam Priami cantabo et nobile bellum"(А.р.,131-137)

"Общедоступное содержание станет твоей собственностью, если ты не задержишься в дешевом и расхожем кругу, не станешь, как верный толмач, стараться передать слово в слово и, подражая, не угодишь в теснину, откуда вытащить ногу не даст стыд и закон произведения, и не начнешь так, как некогда киклический поэт: "Я воспую судьбу Приама и прославленную войну".

Образное решение этого отрывка построено на использовании терминов юриспруденции: *publica materies, ius* (131),² *vetare* (135), *lex* (135). Однако видимая в данном отрывке образно-метафорическая обусловленность использования выражения *operis lex* еще не проясняет его содержания. В самом деле, как смысл этого выражения у Горация соотносится со значением слова *lex* в римской эстетической лексике? какой именно закон имеет в виду поэт, если и имеет в виду что-либо конкретное?

Ответ на первый вопрос бесспорен в одной своей части: этот случай употребления Горацием *lex* связан с определенной римской

филологической традицией. А. Ростаньи указывает, что *opere lex* нужно соотносить с общеэллинистическими представлениями об обязательной стилистике жанра, в том же духе рассуждает Ч.О. Гринн. Такое понимание этого выражения, имеющее своей посылкой отказ от его истолкования как сугубо метафорического, представляется безусловно верным, а потому нуждается в подробном сопоставлении латинского термина *lex* с его отражением в сочинениях Горация с целью уточнения существенных деталей.

Трудно сказать, когда слово *lex* в латинском языке применительно к правилам художественного творчества утратило начальное метафорическое значение и стало термином, но уже у Варрона это слово употреблено именно в указанном качестве. Варрон замечает, что Пакувий называет Этолию Калидонией по поэтическому закону (*poetica lege*), поскольку в Этолии находился город Калидон, и область в целом была поименована по своей части ("О латинском языке", 7, 18). В этом высказывании отразилось древнее представление об отличительной черте поэзии, состоящей в особой экспрессии языка, а именно в свободном обращении к тропам (Варрон тут упоминает лишь частный случай метонимии). Цицерон употребляет слово *lex* по отношению к словесному искусству как уже вполне устоявшийся термин: "Первый закон истории (*prima... legem*) — ни под каким видом не допускать лжи, затем — ни в коем случае не бояться правды..." ("Об ораторе", 2, 62) или "в истории должны соблюдаться одни законы, в поэзии — другие" ("О законах", 1, 5) (оратор противопоставляет поэзию как допускающую чистый вымысел истории). И впоследствии античная традиция дает немало примеров, показывающих, что *lex* прочно входит в латинскую филологическую лексику. Так, Трагедия, обращаясь к Овидию, требует от вдохновения поэта исполнить ее *leges* ("Любовные элегии", 3, 13, 123) (под законами трагедии здесь подразумевается значительность и серьезность темы в противовес "легкомислия" стихов Овидия). Эвэнал иронизирует над трудом историка: закон сочинений (*operum lex*) повелевает ему исписывать груды бумаги, излагая множество исторических фактов ("Сатиры", УН, 98-105) (здесь отмечен тот же "закон" фактология для историка, что и в приведенном высказывании Цицерона, но только в гротескном заострении). Подтверждающий смысл для нас имеет суждение Квинтилиана: каждому роду словесного искусства

(имеется в виду поэзия, история, красноречие) "установлен свой закон" (*una proposita lex... est*) ("Обучение оратора", X, 2, 22)

При всей несхожести указанных случаев употребления *lex* применительно к словесному искусству, в них обнаруживаются по крайней мере две важные общие черты: 1) *lex* означает определенное объективное правило, требование к писателю, независимое от его вкуса или настроения, обязательное к исполнению; 2) словом *lex* обозначается не столько закон (или законы) словесного творчества, сколько законы конкретных родов искусства слова⁴ (видов и жанров внутри них) в отличии друг от друга, обусловленном разностью главных содержательных и выразительных признаков.

У Горация первая общая черта в использовании слова *lex* проявляется очевидно: *lex* и *rudis* в ст. 131 противопостоят друг другу как внешний императив и внутренний запрет. Вторая особенность употребления слова *lex* не доказуема в пределах данного контекста, но подтверждается некоторыми аналогиями. В стихах 73-85 "Искусства поэзии" Гораций последовательно перечисляет существенные содержательные и выразительные черты разных жанров поэзии: эпоса, ямба, элегии, драмы, лирики. Этот обзор завершается сентенцией:

descriptas servare vices operumque colores

cur ego si nequeo i'poroque poeta salutor? (A. p., 86-87)

«Коль не могу и не хочу соблюсти предписанных перемен красок произведений, то зачем именуюсь поэтом?»

В данном отрывке *descriptae vices et operum colores* — это обязательные (*descriptae*) смены красок (*vices operumque colores*), т.е. выразительных средств и элементов содержания при переходе от одного жанра к другому. Слово *opera* значит здесь не просто "произведения" или "стили", но произведения определенного жанра поэзии (эпоса, ямба и т.д.).

Первая сатира II книги открывается словами:

*Sunt quibus in satira videar nimis acer et ultra
legem tendere opus; sine nervis altera quidquid*

conposui parvum esse putat ... (Sat., II, 1, 1-3)

«Некоторые считают, что в сатире я слишком резок и сверх закона усердствую в произведении, другие же думают, что все мои сочинения лишены мощи...»

Из дальнейшего повествования становится ясно, какого рода резкость и мощь тут имеются в виду — это сила пафоса, с которым поэт осуждает порок. Из самой постановки проблемы (*nimis acer — sine nervis*) видно, что установка сатирика на порицание недостойных деяний признается важной чертой сочинений такого рода обеими спорящими сторонами, предметом дискуссии становится мера допустимого в обличительных выпадах Горация. При этом находят такие критики поэта, которые полагают, что он выходит за рамки закона жанра (*ultra legem tendere opus* (Sat., II, I, 1-2)). Именно с этой точкой зрения Гораций прежде всего полемизирует и в ответном развернутом рассуждении показывает, что его орудие обличения порока — тонкая шутка, и в то же время ссылается на авторитет Луцилия, не боявшегося отважно выступать против негодных людей. Таким образом, Гораций противопоставляет свое понимание задач и характера жанра сатиры тем, кто полагает, что излишняя резкость — вне законов жанра. Однако для нас в этом случае важно прежде всего то, что слово *lex*, вложенное Горацием в уста хулителя его сатир, указывает на обязательную черту жанра, хотя "оппонент" поэта понимает ее иначе, нежели сам автор.

Поэтому справедливо допустить, что и в "Искусстве поэзии" *opere lex* — не безликий "закон произведения", но определенный закон определенного рода поэзии (т.е. слово *opus* здесь заменяет название вида или жанра, а *lex* указывает на его обязательный признак). Однако ответ на вопрос, какой именно жанр поэзии представляет предмет размышлений Горация в этом отрывке, не прост. Стихи 131-135 составляют часть текста об отношении поэта к традиционному материалу и о сочинении собственных сюжетов (119-152). Сначала поэт развивает свои суждения по отношению к драматическому искусству (119-159), а далее переходит к иллюстрации их материалом эпоса (136-152). Итак, здесь очевидно разделение на драму и эпос. Однако граница перехода от обсуждения одного жанра к другому четко не определяется. Именно в таких "пограничных" стихах и встречается выражение *opere lex* (135). Уже следующий далее стих ("... и не начнешь так, как некогда киклический поэт..." (136)), безусловно, имеет в виду эпическую поэзию. Вместе с тем, стихи 131-135 прямо примыкают и к стиху, в котором упомянута драма ("выводишь в действиях"

(129)). В литературе нет единого мнения о том, какой род поэтического искусства подразумевает Гораций в стихах 131-135.⁵ Ключом к ответу на этот вопрос может стать то или иное толкование выражения *opere lex*, отнесение действия этого закона к какому-либо конкретному жанру поэзии.

Вслед за стихами 131-137 содержится пространное рассуждение о достоинствах Гомеровых поэм, назидательный смысл которого состоит в рекомендации складывать сказания вокруг единого действия (137-152) (Гораций в этом случае излагает не теоретические постулаты, но приводит живые иллюстрации, которые тем не менее вполне сопоставимы с размышлениями на ту же тему Аристотеля⁷). Интересующие нас стихи 134-135, безусловно, также имеют отношение к правилу складывать поэму вокруг единого действия. Что же препятствует поэту "вытащить ногу" из "теснины" сюжетного ответвления (134-135), т.е. вернуться к основной линии повествования? — *Opere lex*. Логика этого рассуждения весьма своеобразна, если не сказать противоречива: с одной стороны, *lex* — это некое обязательное для исполнения правило, с другой — оно определяет неуспех поэта тем, что мешает возврату к ведущей теме рассказа. Именно такой парадоксальный характер *opere lex* не позволяет трактовать этот закон как закон единства действия, ибо *opere lex*, в оценке Горация, есть принцип изложения материала, обязательный для данного рода поэзии, и одновременно составляющий сложный момент при соблюдении единства действия.

В эллинистической поэтике со времен Аристотеля требование единого действия предъявлялось в первую очередь к трагедии и эпосу. Однако если трагедия, будучи "подражанием в действии" ("Поэтика", 1449, В, 24-26), уже по самому определению ее сути, данным Аристотелем, предполагает "подражание действию важному и законченному" (там же, 1449, В, 24-25), то в отношении поэзии эпической требование складывать сказание вокруг единого действия носит у Аристотеля характер настоящей рекомендации поэзии эпосу, желающему достичь наибольшей удачи в этом роде поэзии. Философ даже определяет такое сказание как "драматичное" (там же, 1459, А, 19) (т.е. ориентирующееся на драматическую поэзию в том, что свойственно ей по природе). Эпос же Аристотель определяет как повествовательную поэзию, подра-

жающую посредством героического метра (там же, 1459, А, 17-18), и не раз подчеркивает, что именно повествовательный характер прежде всего отличает эпическую поэму от трагедии (там же, 1449, В, 12; 26; 27). Рассказ о событиях (а не показ их, как в трагедии) чреват уклонением от центрального действия. Большинство поэтов, как считает Аристотель, не в силах справиться с эпическим повествованием, ибо не умеют соблюсти единства действия.⁸ Мешает им в этом стремление к связности в рассказе, которая, безусловно, есть важное проявление повествовательности,⁹ однако часто уволняя поэтов в сторону.

Место повествовательности в характеристике эпоса у Аристотеля совпадает с той ролью, которую играет *opsis lexis* у Горация: в самом деле, именно повествовательность, т.е. изложение событий в виде связного рассказа, — вот первый принцип эпоса, который вместе с тем заключает в себе и особую трудность для соблюдения единства действия, ибо поэт, следуя в рассказе за сюжетным развитием мифа, легко отклоняется от главного действия и оказывается не в состоянии без разрыва повествования (и нарушения тем самым главного закона эпоса) вернуться к ведущей теме изложения. Назвав повествовательность законом жанра, Гораций не ступает от значения термина *lex* в римской филологической лексике и придерживается того понимания особенностей эпической поэзии, которое было предьявлено еще Аристотелем.

В дополнение к этим соображениям, позволяющим считать, что в стихах 131-136 речь идет об эпической поэзии, а *opsis lexis* есть повествовательный характер эпоса, можно добавить также следующее. Во-первых, "скачок" в рассуждении от трагедии к эпосу у Горация подготовлен упоминанием "Илионской песни" (129); во-вторых, стих 136, где речь идет о киклическом поэте, есть ключительный протасис вполне цельной фразы, изложенной в стихах 131-136 ("если ты не замедлишь... и не будешь стремиться передать... и не попадешь... и не начнешь так..."). Наконец, вся композиция отрывка 131-152 (если сюда включать стихи 131-135) представляется логически продуманной: взяв эпос в качестве примера, Гораций показывает сначала, как не следует обращаться с общезвестными сказаниями (131-137), а затем разъясняет, как же нужно правильно перерабатывать мифологический материал (по образцу Гомеровых поэм).

Итак, слово *lex* в "Искусстве поэзии" совпадает со значением латинского термина *lex* в теории словесного мастерства современной Горацию эпохи. Есть основания предполагать, что *opsis lexis* указывает на конкретный жанр поэзии — эпос. Закон эпоса, подразумеваемый Горацием, — это донесение событий через повествование, т.е. связно-описательное изложение.

Примечания

¹ *In Orationibus Quintus Flaccus. Briefe. Erkl. von A. Kießling, bearb. von R. Heinze. Berlin, 1959, ad loc.; Brink C.O. Horace on poetry. The "Ars Poetica". Cambridge, 1971, ad loc.*

² Здесь и далее в скобках указаны строки из "Искусства поэзии" Горация.

³ *Arte poetica di Orazio. Com. da A. Rostagni. Torino, 1930, ad loc.; Brink C.O. Horace on poetry, ad loc.*

⁴ Сравнительно поздно, у Квинтилиана, термин *lex* употребляется более широко: грамматик пишет о законах прозы ("Обучение оратора" X, 1, 43), композиции (там же, IX, 4, 133), зачи- ты (там же, IV, 2, 82).

⁵ В эллинистической Греции выражением обязательной стилистики того или иного рода словесного искусства служили термины *opsis* или *opsis* (см.: Brink C.O. Horace on poetry, ad loc.). Слово же *opsis* издавна означало тип древней мелодии, приписываемый Терпандру, предназначенный для лиры и используемый в качестве аккомпанемента к эпическим текстам (*opsis* *opsis*: Herod., 1, 241; *opsis* *opsis*: Soph. fr. 966). Сравнительно поздно слово *opsis* встречается в том значении, которое давно укрепилось для латинского слова *lex*. Лукиан пишет: "Там (у поэтов) свобода и единый закон — воля поэта..." ("Как писать историю", 8-9, пер. С.В.Толстой).

⁶ Хр. Йенсен считает, что отрывок 119-152 целиком посвящен эпосу (Jensen Chr. Neoptolemos und Horaz. — Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissensch., Philol. — Hist. Klasse, 1918, N 14, S. 45-46), И.В.Негушил — искусству драмы (Негушил И.В. Тема и план Горациевой "Ars poetica". — Журнал министерства народного просвещения, 1901, № 8, с. 64-66). Компромиссное решение предлагает Э. Норден: предмет стихов 136-152 — эпос, а в стихах 131-135 — "введение" с этой теме (Norden E. Die Composition und die Litteraturgattung der Horazischen Epistula ad Pisones. — Hermes, 1905, Bd 40, S. 488-489); примеры противоположных истолкований в работах последних лет: М.Д.Гаспаров полагает, что стихи 131-135 тяготеют к предыдущему материалу (драма) (Гаспаров М.Д. Композиция "Поэтики" Горация. — В кн.: Очерки истории римской литературной критики. М., 1963, с. 113), Очерки истории римской литературной критики. М., 1963, с. 113), Ч.О.Бринк — к последующему (эпос) (Brink C.O. Horace on poetry, ad loc.).

7 Разумнее киклического поэта, намеренного воспеть всю войну и судьбу Трояна ("один герой" и "многосоставное действие" у Аристотеля ("Поэтика", 1459, В, 1-2)), поступил Гомер, который целью сочинения сделал описание увиденного Одиссеем в его странствии ("одно действие, целое и законченное" у Аристотеля (там же, 1459, А, 19-20)).

8 Дурные поэты описывают не единое действие, а "единое время и все в нем приключившееся с одним или со многими, хотя бы меж собой это было связано лишь случайно" ("Поэтика", 1459, А, 22-24, пер. М.Л.Гаспарова).

9 Аристотель подчеркивает, что связность рассказа - важнейшее проявление повествовательности: это, с его точки зрения, признают и плохие поэты (хотя неправильно толкуют: единый герой, как им кажется, может связать и случайное ("Поэтика", 1459, А, 22-25)); связность, соразность излагаемого изменяется за право всякому истинному поэту. Даже в рассказе о многосоставном действии нужно заботиться, чтобы его части подходили друг другу (*ἄνωγειν ἑκαστῶν*) (там же, 1459, А, 26).

Л.Н.Муцинина

СТРАСБУРГСКИЕ ЭПОДЫ И ПРОБЛЕМА ИХ АТТРИБУЦИИ

В 1899 г. Р.Рейтценштейн опубликовал купленный в 1898 г. К.Рейнгардтом в г.Каире папирус П в. н.э., хранящийся ныне в университетской библиотеке г.Страсбурга.¹

Страсбургский папирус № 3 состоит из двух разрозненных кусков предположительно одного свитка, небольших по размерам: первый - 12,5 : 9,6 см, второй - 8 x 6,2 см. В состав их входят остатки трех стихотворных текстов, написанных одинаковым размером - дистихом, состоящим из ямбического триметра и дактилического пентемимера. Условно эти поэтические фрагменты принято называть эподами, а по месту хранения их называют Страсбургскими.² Текст первого фрагмента включает остатки двух эподов, которые первые издатели называли "эпод № 1" и "эпод № 1-bis", что соответствует фр. 115 и 116 последних изданий.³ От первого эпода сохранился только конец. Читаются лишь 13 строк, но по остаткам предыдущих нечитаемых строк можно заключить, что им предшествовали еще, по крайней мере, три стиха. На полях и между строк отмечены ударение и просодия, имеются краткие схолии. После 13-й строки первого эпода следует разделительный знак параграфа, после которого, вероятно, шло начало другого эпода,